

ББК 66.011.6-411.2

Н.Б. Акоева

Эволюция политического сознания кубанских казаков в годы Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг.

Ключевые слова: казак, военно-служилое сословие, мужество, награды, полицейская служба, революционные настроения, социальное расслоение, политическое сознание, монархизм.

Keywords: Kuban mounted regiments, plastun battalions, Russian-Japanese war, revolution 1905–1907, cossacks.

Вся история человечества была наполнена многочисленными войнами: локальными, региональными, мировыми. Развивалось человеческое общество, менялся облик войны. Но во все времена, являясь экстремальной ситуацией, она несла людям смерть.

Поведение человека в таких условиях в значительной степени зависело от изначальной психологической установки на войну в целом. Социолог В.В. Серебрянников выделял различные типы людей по их отношению к войне: «воины по призванию», «воины по долгу», «воины по обязанности» и другие [1, с. 58]. Казачество, очевидно, надо отнести к первому типу, так как война для них – именно та стихия, где наиболее полно происходит реализация их способностей, самоутверждение, удовлетворение духовных потребностей.

Будучи военно-служилым сословием, казаки имели собственные ценностные ориентации, что определяло их поведение в мирное время и на войне. Наиболее важными среди них были чувство коллективизма, взаимопомощи, ответственности. Казаки дорожили своим званием, потому что с ним были связаны память о блестящем боевом прошлом, о мужестве и героизме в борьбе за независимость своей Родины. Отвага и смелость занимали высокое положение в системе традиционных ценностей кубанских казаков. Поэтому, когда началась Русско-японская война, в Кубанской области нашлось много добровольцев. В целом же историки отмечают нечеткость мотивации войны для населения, слабую работу пропагандистской государственной машины, многочисленные неудачи на поле брани, что делало войну совершенно непопулярной в России [2, с. 48]. Казаки же, подлежащие мобилизации, приняли известие о начале военных действий спокойно и, несмотря на эти негативные факторы, на фронте вели себя героически.

От кубанцев в Русско-японской войне участвовали 1-й Екатеринодарский кошевого атамана Чепеги (командир – подполковник Д.Е. Непокупный) и 1-й Уманский бригадира Головатого (командующий В.А. Акулов) конные полки, шесть пластунских батальонов 2-й очереди и 1-я Кубанская казачья батарея.

В Государственном архиве Краснодарского края хранятся рапорты командиров частей с представлениями на награды: в 9-м пластунском батальоне – на старших урядников И. Баранника и П. Корецкого, в 10-м пластунском батальоне – на есаула Абрамова. Казак 3-й сотни 7-го батальона К. Коваленко во время трех рекогносцировок проявил мужество, храбрость и знание службы, и командир просил произвести его в урядники. Старший врач лазарета ходатайствовал о награждении серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте медицинского фельдшера Т. Кучера и сотенных медицинских фельдшеров Пизика и Доценко. В рапорте отмечалось, что они «стояли на высоте своего звания, всегда относились и относятся внимательно, ласково к больным, любят свою специальность и во имя сострадания и любви к больному часто забывают о себе». Фельдшеры участвовали во всех рекогносцировках и разведках батальона, часто «работали под непрерывным огнем неприятеля, явно пренебрегая смертью, облегчая страдания раненых» [3, л. 27–29].

В приказе по 2-й пластунской бригаде от 19 октября 1905 г. за подписью командира бригады генерал-майора Мартынова содержались списки 167 нижних чинов, награжденных знаком отличия военного ордена. Среди них старшие урядники Г. Бова, П. Дмитренко, А. Буранский, казак С. Штомпель и другие [4, л. 48–50, 187–188]. Например, казак Коломиец, родившийся в 1880 г. в станице Пластуновской, служил в 6-м пластунском батальоне, изучал саперное дело и дослужился до фельдфебеля. В Русско-японскую войну его призвали в 10-й пластунский батальон. За мужество и храбрость, проявленные в боях против японцев во время усиленных рекогносцировок в период времени с 10 апреля по 4 июня 1905 г., приказом 1-й Манчжурской армии в октябре награжден знаком отличия военного ордена Святого Георгия. После войны служба Е.И. Коломийца продолжалась.

Героически проявили себя в боях и конные части. Я. Колесниченко из станицы Северской, М. Ковтун, казак 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка из станицы Динской за подвиги в боях с японцами в 1905 г. награждены знаками отличия военного ордена Святого Георгия 4-й степени [5].

Среди казаков были и потери. Так, в 10-м пластунском батальоне, формируемом в Кавказском отделе Кубанской области, погибло 10 человек, ранено – 35, контужено – 8 человек. Младший урядник Таманского

отдела И. Сорока, уроженец станицы Анастасиевской, погиб от пули в голову в перестрелке с японцами. Казак П. Щербак убит во время разведки [6, л. 423]. В целом по войску потери в Русско-японской войне составили 153 человека, или 8% [7, с. 248–340]. Оставшиеся в живых после возвращения на Родину рассказывали о подвигах, совершенных однополчанами. На таких примерах воспитывалась казачья молодежь.

Вместе с тем историки отмечают отдельные факты критического отношения со стороны казаков к войне на ее последнем этапе, однако, они не нашли отклика у основной массы населения области [8, с. 14].

Не все казаки защищали Отечество от внешнего врага. Им пришлось исполнять полицейские функции в годы первой русской революции, катализатором которой стала Русско-японская война. Казачьи полки распределялись по царскому указу в наиболее тревожные места: 2-й Ейский конный полк – в Курск, 2-й Таманский – в Минск. Большинство частей осталось на Кавказе. А в 1907 г. 2-й Таманский и 2-й Ейский полки были возвращены на Кавказ для подавления революционного движения.

Исправно несли полицейскую службу казаки 2-го Таманского полка. В 1907 г. этот полк отличился при умирении революционного движения в Виленском военном округе. В июне 1909 г. командующий войсками Кутаисской губернии и Сухумского округа объявил казакам благодарность «за преследование и уничтожение всех разбойничьих шаек и преступных организаций». Таким образом, большинство казачьих частей и подразделений не поддались революционным воззваниям агитаторов от партий социалистической направленности, «верой и правдой» служили государственным институтам власти, исправно выполняли даже не свойственные им полицейские функции, хотя несли при этом и потери [9].

Однако среди казаков были части, отказавшиеся от несения такой службы, что нашло отражение в работах российских историков М.М. Бабичева, П.К. Перепченко, А.П. Стеклова, Б.А. Трехбрата и других. Так, П.К. Перепченко, указывая на тяжесть казачьих повинностей, рассматривал причины революционных выступлений в кубанских частях в 1905–1907 гг., особое внимание уделяя формам политического противодействия казаков властям [10, с. 45]. Например, 2-й Полтавский казачий полк, несший полицейскую службу в годы революции 1905–1907 гг. в восточной Грузии, отказался от выполнения этих обязанностей и во время своего выступления предъявил ряд экономических требований. С особым интересом исследователи изучали восстание 2-го Урупского полка [11].

В докторской диссертации А.П. Стеклова «Революционное движение в войсках на Кавказе в период 1905–1907 гг.» рассмотрено революционное движение в воинских формированиях Кавказского округа, сде-

лан акцент и на волнениях в казачьих частях. Автор указал, что главное требование сводилось к освобождению казаков от несения службы и отправке домой [12]. Ярким тому подтверждением являются события в Таманском отделе. Здесь в случае военной опасности формировался 15-й пластунский батальон, командовал которым войсковой старшина Гора. И хотя война с Японией уже закончилась, был отдан приказ о мобилизации. Батальон планировалось отправить в Батуми для подавления там революционного движения.

21 ноября 1905 г. батальон направили в Екатеринодар, затем в станицу Крымскую Таманского отдела. Но казаки были недовольны вызовом со льготы и поручением исполнять полицейские функции. Они требовали распустить их по домам. Командир батальона обратился за помощью к духовенству, но и после прочтения молебна волнения среди пластунов не прекратились. Гора пообещал на следующий день отправить батальон в станицу Славянскую. Но 15 декабря выяснилось, что часть казаков самовольно уже ушли в станицу, а другие разошлись по домам.

Атаман Таманского отдела полковник Мищенко приказал прибывшим в Славянскую казакам построиться с оружием. Его речь вызвала у пластунов новый взрыв возмущения. Наиболее активно проявляли себя казаки Л. Борисенко, А. Кривенко и Волкодуб. Своими действиями пластуны вынудили атамана отдела дать распоряжение о сдаче ими оружия и снаряжения и роспуске их по домам. Однако 22 декабря 1905 г. начальник Кубанской области генерал-лейтенант Одинцов потребовал создать 15-й пластунский батальон и сформировать конный отряд казаков. Их предполагалось направить в Новороссийск для разгрома революции. Узнав об этом, казаки вновь заволновались.

Руководители Рабоче-крестьянского союза в Славянской эсер П. Коссовский и социал-демократ Е. Селивановский организовали собрание с целью обсуждения законности распоряжения атамана. Они призвали казаков не идти на полицейскую службу, позорящую честь казака. На следующий день в митинге приняли участие уже 5 тысяч человек, среди них и 100 казаков, направляемых в Новороссийск. Атаману были предъявлены решительные требования о роспуске казаков по домам.

Волнения перекинулись в станицы Полтавскую, Анастасиевскую, Петровскую. В станице Петровской 31 декабря 1905 г. и 1 января 1906 г. состоялись митинги. Они были организованы урядником станицы Славянской В. Лысенко, крестьянином Ф. Асканковым. Были привлечены священник хутора Чернорковского В. Гриценко, пользовавшийся уважением среди станичников, учительница этого же хутора В. Саяникова и учительница Петровской женской школы С. Маракужева. Священник обратился к митингующим с призывом не посылать казаков на службу в мирное время «на охрану панских владений». Речь

В. Гриценко произвела необыкновенное впечатление на казаков, они как бы получили оправдание своему отказу от исполнения приказа атамана.

В связи с критической ситуацией 3 января 1906 г. вся Кубанская область была объявлена на военном положении. Это лишь приостановило накал борьбы, но не устранило причин, приведших к волнениям в казачьих частях. 8 января 1906 г. в станицу Славянскую прибыл двухсотенный карательный отряд с артиллерией во главе со старшим помощником наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-майором Бабычем.

Пластуны 15-го батальона подчинились приказу и вернулись на службу. Но 76 казаков были исключены из состава батальона. 20 человек из них были осуждены на срок от 4 месяцев до двух лет лишения свободы. Наказание достаточно незначительное, ведь большая часть пластунов была освобождена от судебной ответственности. Причины очевидны: правительство давало возможность остальным казакам «исправиться», «загладить свою вину», с другой стороны, оно опасалось суровым наказанием вызвать новые вспышки неповиновения казаков [13, с. 52–57].

В силу однородности состава, особенностей комплектования казачьи части все еще оставались наиболее сплоченными и боеспособными. Однако модернизационные процессы, происходившие в России, привели к увеличению на Кубани количества иногороднего населения, способствовавшего распространению революционных настроений. С другой стороны, отсталая система землепользования тормозила экономический рост казачьих хозяйств, усиливала расслоение в казачьей среде, вызывая противодействие властям. Но в целом выступлениям в станицах были присущи стихийность, отсутствие серьезной организации, монархизм.

И все же факт выступления против приказа, отказ от выполнения полицейских обязанностей показал возросший уровень политического сознания казаков.

Казачьи полки первой очереди, не участвовавшие в войне, по-прежнему находились в местах своей довоенной дислокации. К сожалению, их повседневная жизнь практически не изучалась историками, поэтому мы считаем необходимым рассмотреть этот вопрос. Так, 1-й Кавказский полк нес службу в Закаспийской области. Даже начавшаяся война не изменила привычного ритма их жизни. Ежедневно с 7.30 до 8.00 утра все казаки делали гимнастику. Затем до 10.30 в сотнях шли занятия по расписанию, утвержденному командиром полка. После обеда с 14.30 и до 16.30 занятия продолжались [14, л. 65об.–66].

Командование заботилось о боевом обучении казаков. На январском смотре командир Закаспийской бригады генерал-лейтенант Хелмицкий отметил, что хорошо отработаны шашечные приемы и маршировка только в учебной команде, у остальных казаков – сла-

бо. Молодые ездят лучше. Однако и старые и молодые казаки не знали облегченной рыси. В первой сотне было также сделано несколько замечаний: плохая рубка, старые казаки совсем не держат назначенных аллюров, молодые промахиваются, хотя лошади идут шагом. Он обратил внимание и на лошадей, заметив, что они сытые, «хороши в телах». Однако в первой и второй сотнях нашлись лошади «не убранные, лохматые, вихрастые», что не допускалось. Хелмицкий предлагал взыскивать за это с взводных командиров. Он отметил еще один общий недостаток – в сотнях мало занимались гимнастикой, что в целом отрицательно сказывалось на строевой подготовке казаков. Таким образом, мы видим пробелы в военном обучении и молодых, только что пришедших в полк, и уже служащих. Не случайно командование требовало усилить боевую подготовку казаков.

В полку проходило обучение офицерского состава. В феврале–марте в 1-м Кавказском полку полковник Корольков проводил тактические занятия с офицерами, сделал сообщение о японо-китайской войне 1894–1895 гг. [15, л. 17–20].

Большое внимание командование полка уделяло бытовой стороне жизни казаков. В Мерве, на постах Серах, Пуль-и-Хатун, Науруз-Абад, Тахта-Базар, где располагался полк, казаки жили в казармах. При инспекторских смотрах, проводившихся два раза в год, как правило, отмечались хорошие, чистые, исправные помещения. По мере необходимости проводился ремонт силами казаков или местных жителей. На территории полка находились конюшни, склады для хранения продовольствия, зерна для лошадей. При смотре командир отмечал и недостатки [16, л. 323].

Предметом особой заботы было здоровье нижних чинов. Район дислокации 1-го Кавказского полка находился в Закаспийской области, население которой мало заботилось о правилах гигиены. Воду для питья брали из арыков, которые часто засорялись. Теплый климат способствовал быстрому распространению болезней, поэтому каждую неделю нижние чины мылись в бане, меняли белье. Помещения казарм постоянно мылись дезинфицирующими растворами, матрацы обязательно выносились на просушку на солнце, питьевая вода кипятилась [15, л. 37].

Заботился командир и о досуге казаков. Кубанцы могли читать в полковой библиотеке ежегодно выписываемые газеты и журналы. Казаки писали домой письма, получали ответы и денежные переводы. Офицеры и священники проводили с рядовыми беседы о долге перед Родиной, батюшкой-царем, о православной вере, что находило отклик у казаков. Понимая сложность момента, казаки 1-го Кавказского полка пожертвовали 606 руб. 13 коп. на усиление военного флота России, за что в феврале 1905 г. получили «сердечную благодарность» от великого князя Александра Михайловича [14, л. 45]. Офицеры могли в свободное

время посещать библиотеку, а также гарнизонное собрание в городе Асхабаде [14, л. 148, 247–248].

Регулярно в полковой церкви Александра Невского проходили службы, по траурным дням – панихиды. В такие дни не проводились полковые занятия, все свободные от несения нарядов казаки были в церкви.

Эта постоянная забота государства и Кубанского войска о нормальных условиях повседневной жизни служащих казаков даже в период ведения Россией войны внушала им уверенность в завтрашнем дне, формировала чувство особой гордости за принадлежность к казачеству и высокую военную самоидентификацию.

Это в конечном итоге обуславливало его исключительную боеспособность.

Героическое поведение кубанцев в Русско-японской войне, добросовестное выполнение ими воинских обязанностей по охране российских рубежей еще раз продемонстрировали правительству возможности использования казаков в военных целях.

Не менее успешно власть использовала казаков для подавления революционного движения в 1905–1907 гг. И хотя часть полков отказалась от исполнения полицейских функций, в целом казачество еще было верно престолу.

Библиографический список

1. Серебрянников, В.В. Социология войны / В.В. Серебрянников. – М., 1998.
2. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. – М., 1999.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 404. – Оп. 1. – Д. 76.
4. ГАКК. – Ф. 404. – Оп. 1. – Д. 75.
5. Казачьи вести. – 2000. – №41–46. – С. 10; 2001. – №6–10. – С. 31.
6. ГАКК. – Ф. 404. – Оп. 1. – Д. 77. – Л. 36–37; Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8991.
7. Кияшко, И.И. Именной список генералам, штаб- и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска (бывших Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск), убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычках и перестрелках с 1788 по 1809 гг. / И.И. Кияшко. – Екатеринодар, 1911.
8. Матвеев, О.В. Русско-японская война 1904–1905 гг. В исторической памяти кубанского казачества / О.В. Матвеев // Россия в войнах XX века : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар. 2003.
9. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 9113. – Л. 62; Д. 9112. – Л. 23, 55, 82–84.
10. Бурдун, В.Н. Кубанское казачество в первой русской революции (в ракурсе научных исследований второй половины XX – начале XXI в.) / В.Н. Бурдун // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани : материалы межрегиональной научно-практической конференции. ХП Адлерские чтения. – Краснодар, 2007.
11. Бабичев, М.М. Аграрный вопрос и крестьянское движение на Кубани в период 1-й русской буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. / М.М. Бабичев. – М., 1958.
12. Стеклов, А.П. Революционное движение в войсках Кавказского военного округа / А.П. Стеклов // Революционное движение в армии в годы первой русской революции. – М., 1955.
13. Трехбратов, Б.А. Первые шаги... Выступления армейских и казачьих частей на Северном Кавказе в период революции 1905–1907 гг. / Б.А. Трехбратов. – Краснодар, 1989.
14. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8770.
15. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8784а.
16. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8570.